

А.ПЛЯКИН

ТОЛСТОЙ — ЧИТАТЕЛЬ ДОСТОЕВСКОГО

(по материалам яснополянской библиотеки Л.Н.Толстого)

Первое упоминание Толстым произведения Достоевского относится к 1862 г. В письме к графине А.А.Толстой Лев Николаевич советует: “Пожалуйста, сделайте одно: достаньте записки из Мертвого дома и прочтите их. Это нужно.” (Л.Н.Толстой. ПСС.Т. 60. С. 419). Толстой впервые прочел “Записки из Мертвого дома” по тексту, печатавшемуся в журнале “Время” в 1862 г. На протяжении всей жизни Лев Николаевич не раз перечитывал это произведение, например, в 1892 г. — в связи с работой над романом “Воскресение”¹. Два отрывка из “Записок...” Толстой озаглавил “Смерть в госпитале”, “Орел” и включил их как недельные чтения в “Круг чтения” (Т. 41. С. 322 — 323, 434 — 436).

До конца своих дней Толстой высоко ценил “Записки из Мертвого дома” и усматривал в этом произведении столько содержания, что его хватило бы на несколько писателей.

На год смерти Достоевского у Толстого встречается еще упоминание романа “Униженные и оскорбленные” (Т. 49. С. 161). Федор Михайлович, по-видимому, превосходно знал все произведения Льва Николаевича, опубликованные до 1881 г. Это подтверждают многочисленные высказывания Достоевского о произведениях Толстого. У Льва Николаевича публичных высказываний о произведениях Достоевского как при жизни последнего, так и после его смерти, не находим. Правда, встречаются суждения о великом современнике и его произведениях в письмах, дневниках, записных книжках, в беседах с близкими людьми.

На сегодня личная библиотека Л.Н.Толстого насчитывает 18 печатных единиц сочинений Ф.М.Достоевского:

Ф.М.Достоевский. ПСС. Т. 1 — 14. СПб., тип. А.С.Суворина, 1882 — 1884. Часть томов отпечатана в тип. бр. Пантелеевых.

(Два экземпляра Т. 14.)

Ф.М.Достоевский. Преступление и наказание. Изд. 7-е. СПб., тип. А.С.Суворина, 1884.

Ф.М.Достоевский. Биография, письма и заметки из записной книжки. СПб., тип. А.С.Суворина, 1883.

(Ф.М.Достоевский) Ползунков (Рассказ)

Без титульного листа, обложки и переплета.

Пометки, оставленные Толстым, есть на отдельном издании “Преступления и наказания” и в т. 13 собрания сочинений (первые части “Братьев Карамазовых”).

В “Преступлении и наказании” фиолетовым карандашом отчеркнуты строки с описаниями внешности Родиона Раскольникова, Катерины Ивановны, Сони, Авдотьи Романовны, Пульхерии Александровны. Отчеркнуто описание каморки Раскольникова, полицейской конторы. Подробно отмечены отчеркиваниями строк посещение Раскольниковым распивочной и его разговор с Мармеладовым. Восклицательный знак стоит напротив описания сцены скандала Мармеладова с женой.

Подчеркиванием выделены отдельные фразы: “и чувств благородных воспитанием исполнена” (“Преступление и наказание”. С. 18); “в сей великолепной и украшенной многочисленными памятниками столице” (С. 20); “при взволнованных чувствах” (С. 21); “человеком новых государственных и образованных мыслей” (С. 22); “малявочка”, “с ощущением болезненным”, “райского”, “в мечтаниях летучих”, “Единородную” (С. 23); “злой и чахоточный”, “чужим и малолетним”, “пьяницу непотребного”, “истощенный и обессиленный” (С. 25); “со сна” (С. 28).

Эти пометки характеризуют Толстого как художника, мастера слова, выделяющего неожиданные обороты речи, удачные фразы, сравнения собрата по перу. Только первая и вторая части романа содержат пометки Льва Николаевича. Скорее всего, они относятся ко второй половине 80-х гг. Не вызывает сомнения, что Толстой перечитывал “Преступление и наказание” в связи с работой над статьей “Для чего люди одурманиваются?”, которая датирована 1890 г. В этой статье Лев Николаевич подробнейшим образом разбирает момент принятия решения Раскольниковым (Т. 27. С. 280).

Еще в 1883 г. в беседе о литературе с членом Харьковского окружного суда Г.А.Русановым Толстой назвал “Преступление и наказание” “лучшим” романом у Достоевского и продолжил: “Но вы прочтите несколько глав сначала, и вы узнаете все последующие, весь роман. Дальше рассказывается и повторяется то, что вами было прочитано в первых главах...”². Высказывания Толстого о “Преступлении и наказании” повторяют друг друга, поэтому приведу лишь одно из них. Послушаю чтения Н.Н.Страховым вслух статьи В.В.Розанова “Легенда о Великом инквизиторе” Лев Николаевич сказал: “Достоевский — такой писатель, в которого непременно нужно углубиться, за-

быв на время несовершенство его формы, чтобы отыскать под ней действительную красоту... Я считаю в "Преступлении и наказании" хорошими лишь первые главы — это шедевр. Но этим все исчерпано: дальше мажет, мажет" ³.

Приведу немногословные высказывания Льва Николаевича о других произведениях Достоевского. В дневнике за 1891 г. Толстой дает оценку "Сна смешного человека" в связи с работой над статьей о непротивлении: "Хорошо задумано, дурно исполнено" (Т. 52. С. 40). В разговоре с младшей дочерью Александрой о романе "Бесы" Лев Николаевич высказался так: "Ну, это не разберешь" ⁴. О "Дневнике писателя" сказал: "Он труден" ⁵ и не стал читать.

Лев Николаевич начинает читать Достоевского и бросает...

Так обстоит дело со всеми произведениями Федора Михайловича, кроме "Записок из Мертвого дома". За этим отталкиванием стоит неприятие художественного стиля Достоевского, который лежит в принципиально иной литературно-идеологической традиции, в отличие от эпического стиля Толстого. Генетически такой тип творческого сознания можно проследить через русло, так или иначе связанное с традициями Евангелий, Житий. Это отчасти сознавал Толстой — вот запись из его дневника: "Сегодня читал часть Нагорной проповеди. Лишнего много, тяжело читать. Написано хуже Достоевского" ⁶.

Вызывают особый интерес упоминания Толстым романа "Братья Карамазовы" и пометки в тексте. Еще в 1883 г. в беседе с Г.А.Русановым, высказался о нем, что "не мог дочитать" ⁷. Есть свидетельства, что Толстой читал роман "Братья Карамазовы" в 1886 г. (Т. 64. С. 4), в ноябре 1891 г. (Т. 52. С. 289), в 1892 г. (Т. 84. С. 167).

Приведу только итоговое высказывание Толстого о романе за две недели до смерти в разговоре с В.Ф.Булгаковым:

"Я читал "Братьев Карамазовых", вот что ставят в Художественном театре. Как это нехудожественно. Действующие лица делают как раз не то, что должны делать. Так что становится даже пошлым: читаешь и наперед знаешь, что они будут делать как раз не то, что должны, чего ждешь. Удивительно нехудожественно! И все говорят одним и тем же языком... И это наименее драматично, наименее пригодно к сценической постановке. Есть отдельные места, хорошие. Как поучение этого старца, Зосимы... Очень глубокие. Но неестественно, что кто-то об этом рассказывает. Ну, конечно, великий инквизитор... Я читал только первый том, второго не читал" (Т. 58. С. 541). Это было сказано 23 октября 1910 г. 28 октября Толстой уходит навсегда из Ясной Поляны... А 7 ноября умирает на станции Астапово Рязанской губернии. В свете этих трагических событий обретают глубокий смысл пометки Толстого в романе "Братья Карамазовы", который он читал, согласно записям в дневнике 12, 18, 19 октября 1910 г.

Пометки, принадлежащие Толстому, содержит т. 13. Книга в плохом со

стоянии, переплет утрачен. Лев Николаевич с ранней молодости выработал привычку читать книги с карандашом и загибать уголки по свойственной ему манере.

На с. 15 нижний уголок загнут вдвое (история жизни Аделаиды Ивановны, первой жены Ф.П.Карамазова). Загнуты уголки на страницах с описанием молодости старца Зосимы (С. 38), отмечен разговор о церковном и общественном суде в келье Зосимы (С. 78), выделен финал скандала и отъезд из монастыря Федора Павловича (С. 105) и др. Ограничусь перечислением страниц, на которых уголки были загнуты вдвое или были загнуты и затем расправлены — это С. 16, 198, 249, 311, 320, 354.

Особого внимания заслуживает с. 359 в тексте главы “Из бесед и поучений старца Зосимы”. На ней отчеркнуто несколько строк, а на полях против *Nota bene*. Выделен ответ на вопрос: что есть ад? “Страдание о том, что нельзя уже более любить”. Раз, в бесконечном бытии, не измеримом ни временем, ни пространством, дана была некоему духовному существу, появлением его на земле способность сказать себе: “Я есмь, и я люблю”. Раз, только раз дано было ему мгновение любви деятельной, *живой*, а для того была дана земная жизнь, а с нею времена и сроки...”

И наконец, отчеркиванием отмечены строки: “уже отшедший с земли, видит и лоно Авраамово, и беседует с Авраамом, как в притче о богатом и Лазаре нам указано, и рай созерцает, и ко Господу восходить может, но именно тем-то и мучается, что ко Господу взойдет он нелюбивший, соприкоснется с любившими любовью их пренебрегший. Ибо зрит ясно и говорит себе уже сам: “Ныне уже знание имею и хоть возжаждал любить, но уже подвига не будет в любви моей, не будет и жертвы, ибо кончена жизнь земная и не придет Авраам хоть каплею воды живой (то есть вновь даром земной жизни, прежней и деятельной) прохладить пламень жажды любви духовной, которою пламенею теперь, на земле ее пренебрегши; нет уже жизни, и времени более не будет! Хотя бы и жизнь свою рад был отдать за других, но уже нельзя, ибо прошла та жизнь, которую возможно было в жертву любви принести, и теперь бездна между тою жизнью и сим бытием”. Говорят о пламени адском материальном: не исследую тайну сию и страшусь, но мыслю, что если бы и был пламень материальный, то воистину бы обрадовались бы ему, ибо, мечтаю так, в мучении материальном хоть на миг позабылась бы ими страшнейшая сего мука духовная”.

Интересна запись в дневнике за 26 октября: “Видел сон Грушенька, роман будто бы Ник. Ник. Страхова. Чудный сюжет”. В ночь на 28 октября Толстой уходит из Ясной Поляны, и в тот же день из Козельска, Калужской губернии, в телеграмме на имя дочери Александры просит выслать второй том “Братьев Карамазовых”. А 29 октября в Оптиной пустыни в записную книжку заносит под № 3 в список тем художественных замыслов: “Роман Страхова — Грушенька-экономка”.

В свои сборники “Мысли мудрых людей на каждый день”, “Круг чтения”, “На каждый день”, “Для души”, “Путь жизни” Толстой включил только пять мыслей из Достоевского, которые часто брал из случайных источников, например, настольных календарей. Или для него их отбирали секретари. Например, В.Ф.Булгаков для “Пути жизни” выбрал шестьдесят четыре мысли Достоевского, но Толстой, прочитав их, нашел, что они “не сильны, расплывчаты”, и включил в “Путь жизни” только две мысли: “Человек несчастлив потому, что не знает, что он счастлив” (Т. 45. С. 481) и “Живи истинной жизнью — и много будешь иметь противников, но и противники твои будут любить тебя. Много несчастий принесет тебе жизнь, но ими-то и счастлив будешь и жизнь благословишь, и других благословить заставишь” (Т. 45. С. 482).

И последние три мысли из Достоевского, включенные Толстым в свои сборники:

“Страдание-то и есть жизнь. Без страдания какое было бы в ней удовольствие?” (Т. 40. С. 91).

“В нынешнем образе мира полагают свободу в разнузданности, тогда как настоящая свобода лишь в одолении себя и воли своей так, чтобы под конец достигнуть такого нравственного состояния, чтоб всегда, во всякий момент быть самому себе настоящим хозяином. А разнузданность желаний ведет лишь к рабству” (Т. 44. С. 310).

“Люди ограниченные, тупые гораздо меньше делают глупостей, чем люди умные, — отчего это?” (Т. 44. С. 311).

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ П.А.Сергеенко. Как живет и работает гр. Л.Н.Толстой. М., 1898. — С. 54.

² Толстовский ежегодник. М., 1912. С. 60.

³ Дневник В.Ф.Лазурского. Лит. нас. № 37 —38. С. 465.

⁴ Д.П.Маковицкий. У Толстого: Яснополянские записки. Лит. нас. Т. 90: В 4 кн. М.; Наука, 1978 — Кн. 2. С. 557.

⁵ Упомянутое соч. Кн. 4. С. 114.

⁶ Там же. С. 392.

⁷ Н.Н.Гусев. Летопись жизни и творчества Л.Н.Толстого 1828 — 1890. — М., 1958. С. 561.